

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Бастиа

Серия «Лазурные берега», книга 14

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2476835

Аннотация

«Этот небольшой, полусуточный переход был очень тяжел. На закате поднялся ветер, а к ночи перешел в настоящую бурю. Всех пассажиров, – впрочем, их было немного, – очень скоро укачало. В курительной комнате остались только двое: я и какой-то светловолосый, светлоглазый, белоруснищий англичанин. Я посасывал лимон, а он с невозмутимым спокойствием пил стакан за стаканом шотландскую виски, едва разбавленную для приличия содовой водой. Так как время было очень тоскливое, а ночь темная, грозная и душная, то мы были оба в приподнятом настроении и старались развлекать друг друга...»

Александр Иванович Куприн Бастиа

Этот небольшой, полусуточный переход был очень тяжел. На закате поднялся ветер, а к ночи перешел в настоящую бурю. Всех пассажиров, – впрочем, их было немного, – очень скоро укачало. В курительной комнате остались только двое: я и какой-то светловолосый, светлоглазый, белореснищий англичанин. Я посасывал лимон, а он с невозмутимым спокойствием пил стакан за стаканом шотландскую виски, едва разбавленную для приличия содовой водой. Так как время было очень тоскливое, а ночь темная, грозная и душная, то мы были оба в приподнятом настроении и старались развлекать друг друга. Какая-то животная тревога, ощущаемая в жаркие бури всеми людьми, даже людьми с очень крепкими нервами, даже животными, сблизила нас. Я рассказывал ему анекдоты из русской жизни, а он вспоминал что-то о доброй старой Англии; впрочем, может быть, он говорил о лошадином спорте или о покойном Дизраэли, – словом, мы не поняли из того, что говорили друг другу, ни одного слова и расстались на рассвете, когда море уже утихало, совершенными друзьями. В каюту я добрался неисповедимыми путями: скатился по трапу, как на салазках, стучался головой о какие-то мед-

ные поручни и все время попадал в чужие помещения. Найдя, наконец, свою каюту, я сначала, потеряв равновесие, боднул своего товарища головой, с трудом взобрался на койку и заснул как мертвый. Нет слаще сна, чем на море в какую бы то ни было погоду. Волны тяжело плескались о борт, и часто из открытого круглого иллюминатора мелкие соленые брызги обдавали мне лицо. Это прикосновение равномерно бушующей влаги приятно, как поглаживание материнской руки в детстве перед сном.

Утром товарищ насилу-насилу стащил меня за ногу с моей верхней койки.

– Вставайте: видна Корсика. Довольно валяться. Идемте на палубу пить кофе.

Я наскоро умылся, и мы пошли наверх. Море было спокойно, ласково и вкрадчиво, точно ребенок, который вчера нашалил, а сегодня нежностью и послушанием старается загладить свою вину. По его светло-голубому шелку лишь кое-где впереди парохода свертывались ленивые коричневые морщинки. Воздух был свеж, ароматен, прян и радостен. Дельфины кувыркались около бортов, а вдали, как чудесное видение, возвышались горы, одни – темные, почти черные, другие – густо-синие и фиолетовые, а дальше голубые и, наконец, светлые, точно облака, точно воздушные, легкие привидения. Внизу, под нами, на пароходном носу, возились над судовыми канатами, перебирая их, коренастый, широкоплечий боцман и четверо мальчиков. Они подготавливали все

необходимое для причала к пристани. Боцман покрикивал довольно резко и внушительно на своих помощников. Да, может быть, так и нужно было. Все они несут очень тяжелую работу и, конечно, не выспались, потому что на таких судах, ходящих на маленьких расстояниях, команда полагается самая ограниченная. Необходимо было подбодрять людей словом, жестом, движением. Я видел, как боцман, рассердившись, вдруг ударил концом каната по спине старшего юнгу, мальчишку-корсиканца лет семнадцати. Юноша вдруг повернул к нему свое бронзовое от загара лицо и бросил на него пламенный взгляд, и ах как прекрасно было в этот момент лицо: сдвинутые темные энергичные брови, расширенные, мгновенно покрасневшие от гнева глаза, раздутые ноздри, сжатые челюсти и какой гордый поворот головы! Да, хорошо было старинным мастерам создавать свои художественные произведения, когда у них на каждом шагу, по сотне раз в день, попадались такие модели. Это не то что идет по грязи священник в траурной ризе, а сзади мужик тащит под мышкой гробик, и следом за ним плетется старуха, а дальше дьячок с кадилом и с подвязанной красным платком щекой, – и все они утопают по колено в грязи.

Однако чем ближе мы подходили к Корсике и чем яснее нам становились видны очертания города и отдельные домишки наверху, в горах, тем боцман делался уступчивее и мягче. Когда мы входили в гавань, то он как будто даже начал ухаживать за своей «мошкаррой». Мальчишки довольно

долго дулись и не сдавались на ласку, но когда он освободил их от работы, послал вниз в каюты переодеться во все чистое и сам лично внимательно произвел им смотр, то мальчишеские сердца не выдержали, и улыбки заиграли на примиренных лицах. И я подумал: «А ведь, черт возьми! Может быть, в море не то что необходимы, а, пожалуй, возможны такие отношения». И в самом деле, не говорить же ему: «Господин юнга, не возьмете ли вы на себя труд влезть вот на эту толстую палку вот по этой веревочной лесенке, а там – вы мне сделаете большое одолжение и честь – упереться ногами вон в ту поперечную тонкую палочку и потянуть правой рукой за эту, вон видите, тонкую веревочку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.